

Надійшла до редколегії 08.02.2012

УДК 141.311

**И. В. Павленко**

*Державний ВНЗ «Национальная горная академия»*

### ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА В РАБОТАХ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА 30-40-Х ГГ.

Розглянуто концепт індивідуальної мови у зв'язку із «скептичним парадоксом» Л. Вітгенштейна та його сучасними інтерпретаціями.

**Ключові слова:** індивідуальна мова, скептичний парадокс, дотримання правила, скептицизм, релятивізм, конвенціональність.

Рассмотрен концепт индивидуального языка в связи с представлением «скептического парадокса» Л. Витгенштейна и его современными интерпретациями.

**Ключевые слова:** индивидуальный язык, скептический парадокс, следование правилу, скептицизм, релятивизм, конвенциональность.

In article it is considered concept private language in connection with representation of the «skeptical paradox» L. Wittgenstein's and his modern interpretations.

**Key words:** private language, skeptical paradox, rule-following, scepticism, relativism, conventionality.

*Пролог.* «Была на всей земле речь одна и одни и те же слова» (букв. немногочисленные слова, небогатая речь). «И сказали они: «давайте построим себе город и башню, главою до небес и сделаем себе имя, чтобы не рассеялись мы по лицу всей земли» (т. е. люди хотели возгордиться, стать известными, не потеряться на просторах земли).

В связи с этим – опасения Творца: «Ведь народ один и речь у всех одна, и это лишь начало их деяния, а теперь не будет для них ничего невозможного – что бы они ни вздумали делать. Сойдем же и смешаем там речь их, чтобы один не понимал речи другого». И рассеял их Бог оттуда по всей земле и они перестали строить город» [Брейшит, 11, 1–8]; (см. [8]).

С точки зрения наиболее выдающихся комментаторов Торы (Раши, Рамбам, Йегуда Галеви) – это событие представляет собой подлинную антропологическую катастрофу, реминисценцию грехопадения, вызвавшую в дальнейшем все наши войны, распри и непонима-

Філософія Філософія і політологія в контексті сучасної культури  
ние. Единый язык считается при этом величайшим даром Божественной любви, который, как и жизнь вечную, люди утратили, пытаясь соперничать с Творцом («быть как боги»). На этом эпизоде в Торе заканчивается история единого, неразделенного человечества.

Но разделением на 70 языков история не завершилась. Мы наблюдаем огромное число языков, наречий, диалектов, а также корпоративных, профессиональных, возрастных арг. Наконец, в XX веке положен логический предел смешению языков – сформулирована проблема индивидуального языка (более точно: частного, личного языка – *privat Sprache; private language*), т. е. языка настолько частного, что его полноценным носителем является только один человек.

*Экспликация проблемы.* Концепт индивидуального языка впервые появляется в лекционных курсах Л. Витгенштейна 1933–1935 гг., а также в его работе «Философская грамматика» (1931–1933), оставшейся в рукописи и опубликованной посмертно [11; 12]. Наиболее развернуто данное понятие рассматривается в «Философских исследованиях» (1953) [13].

Принципиальна для рассмотрения проблемы индивидуального языка работа С. А. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» (1982) [3; 4], в которой указывается, что размышления Л. Витгенштейна об этом вопросе являются принципиально новой, сильной версией скептицизма и представляют собой серьезную эпистемологическую проблему.

Также важна книга: Г. П. Бейкер, П. М. С. Хакер «Скептицизм, правила и язык» [1]. В ней производится попытка защитить Л. Витгенштейна от обвинений в скептицизме и показать, что это относится, скорее к самому Крипке.

Можно отметить также работы З. А. Сокулер [9], М. В. Лебедева [7], А. Ф. Грязнова [см. напр. 2]. Последний критикует Л. Витгенштейна с позиции сдержанного реализма, но, похоже, и сам попадает под влияние скептического аргумента и отдает должное его творцу.

Наконец, В. А. Ладов в своих оценках [5; 6], скорее, солидаризуется с С. А. Крипке, показывая принципиальный характер описанной Л. Витгенштейном проблемы. В то же время он указывает на антиреалистический крен в онтологии аналитической философии, что само по себе уже почти невероятно, поскольку аналитическую философию всегда упрекали как раз в отсутствии всякой онтологии: «По сути, различие между ранним и поздним вариантом аналитической традиции отчетливо просматривается именно по онтологическому основанию. Если для ранних аналитических философов была характерна реалистская форма онтологии, то поздние философы-аналитики поддерживают и развивают акризуализацию проблемы индивидуального языка выглядит следующим образом: *все люди определенной культуры усваивают общий для них язык, используя при этом известные каналы коммуникации, и в этом смысле можно говорить о наличии некоторой языковой конвенции в отношении значения знаков и их использования. В то же время каждый носитель языка вырабатывает свою собственную, известную только ему систему значений, демонстри-*

Філософія і політологія в контексті сучасної культури Філософія  
*руя тем самым принципиальную возможность полностью индивидуализированного языка со своими правилами, грамматикой и пр.*

Разумеется, нет повода говорить о действительном создании или наличии подобного языка. Вообще данный вопрос касается лингвистики лишь в первом приближении, в целом же речь идет о некоторых традиционных философских проблемах: об истине, о сущности сознания, релятивизме и пр.

Проблема формулируется гораздо шире и она связана с нашим пониманием сознания, равно как и вообще всех ментальных феноменов. Не вызывает сомнения, что последние формируются под воздействием социальных факторов, однако очевидно, что мы в состоянии создавать ментальные сущности по своему усмотрению и верить в реальность кентавров, Гамлета, вещи-в-себе или Бога, не требуя никакой верификации и не прибегая при этом к некоему языковому узусу. Правила манипулирования объектами в подобных случаях устанавливает языковой субъект, полагаясь лишь на свою интуицию и предпочтения.

Таким образом, речь идет о том, насколько в действительности индивидуальны наши ментальные состояния и не является ли вся наша *конвенциональная ментальность* – иллюзией – иллюзией смысла, понимания, в том числе, понимания друг друга в самых простых ситуациях. Продолжая разворачивать библейскую метафору, мы уже сомневаемся в возможности понять другого человека даже в рамках одного языкового сообщества. Многочисленные случаи действительного непонимания как будто подтверждают уж если не правоту подобной точки зрения, то, во всяком случае, правомерность постановки самой проблемы.

*Исследование.* Рассмотрение проблемы индивидуального языка и следования правилу опирается на известные параграфы «Философских исследований» Л. Витгенштейна (см. [13]):

«201. Наш парадокс был таким: правило не могло бы определять никакой образ действия, так как всякий образ действия можно привести в соответствие с правилом. Ответом было: если все можно привести в соответствие с правилом, тогда все можно привести также и к противоречию с ним. Поэтому здесь не было бы ни соответствия, ни противоречия... имеется точка зрения в отношении правила, которая *не является истолкованием*; но от одного случая применения к другому выражает то, что мы называем «следованием правилу» и «действием вопреки». Поэтому существует склонность говорить: каждое действие по правилу – это истолкование. «Истолкованием», однако, нужно было бы называть лишь замену одного выражения правила другим» [12, с. 345].

«202. Поэтому «следование правилу» – некая практика. И *полагать*, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. И поэтому нельзя следовать правилу «приватно», так как иначе полагать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» [12, с. 345].

«243. Человек может сам себя воодушевлять, сам себе приказывать, повиноваться, порицать, наказывать, задавать вопросы и отвечать на них. Можно было бы вообразить людей, которые гово-

Філософія      Філософія і політологія в контексті сучасної культури  
рили бы только монологически. Их деятельность сопровождалась бы разговорами с самими собой. – Исследователь, который наблюдал бы за ними и подслушал их речь, мог бы перевести их язык на наш. (Он смог бы вследствие этого правильно предсказывать действия этих людей, так как он слышал их намерения и решения.)

Однако является ли мыслимым язык, на котором можно было бы записывать и высказывать свои внутренние переживания, чувства и настроения для собственного употребления? – Но разве мы не можем делать это на нашем обычном языке? – Но я имел в виду не это. Слова этого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, к его непосредственным, приватным ощущениям. Другой не мог бы понять этот язык» [12, с. 356].

В. А. Ладов оценивает данный пассаж Витгенштейна достаточно критически: «Поздний Л. Витгенштейн разработал один из наиболее радикальных скептических вариантов теории значения, репрезентирующий специфический вид конвенционализма. Если с точки зрения ортодоксального конвенционализма, значение представляет собой некоторое стабильное образование, существующее в рамках лингвистической группы, то с позиции позднего Витгенштейна, агент речи вообще не обладает способностью схватывать какие-либо устойчивые сущности в качестве значений. Так называемый парадокс следования правилу, сформулированный Витгенштейном в § 201 «Философских исследований», показывает, что любое языковое выражение можно подвести по крайней мере под два правила употребления, и в ситуации конкретного речевого действия мы никогда не сможем точно определить, какому правилу следовал (в каком значении использовал языковое выражение) говорящий... Скептический тезис Витгенштейна указывает на то, что неопределенность значения возникает на уровне субъективности. Продуцирующий актуальное употребление языковых выражений субъект, обращаясь к себе, к своему собственному опыту в прошлом и настоящем, не способен преодолеть плюрализм в интерпретациях значения» [6].

Это довольно точное представление проблемы индивидуального языка, но только самой проблемы, а не точки зрения Витгенштейна, который сам не разделял точки зрения крайнего релятивизма и скептицизма и старался как раз искать аргументы против теории индивидуального языка.

Совершенно иначе эту ситуацию представляет С. Крипке. У него речь идет о скептическом парадоксе и аргументах против индивидуального языка. Я могу создавать свои правила для чего угодно и стараться им следовать, но я *знаю* когда нарушаю эти правила, так что это явно не одно и то же. В тех случаях, когда я следую кем-то установленным правилам, я также могу полагать, что следую им, даже если это не так. Разница лишь в том, что в этом случае я могу сомневаться, действительно ли я следую правилу, правильно ли я их усвоил, тогда как в первом случае такое сомнение выглядело бы странно.

Крипке приводит свой знаменитый пример с фантастической функцией «квус», которую я мог бы использовать вместо «плюса».

С равным успехом можно было привести любой другой пример. Мне могут сказать, что я неправильно выполняю любое действие, неправильно произношу любую фразу, неправильно веду себя в самой привычной ситуации. Мои ссылки на собственный опыт и мое собственное представление о правилах (меня ведь учили в школе) убедительны для меня, но не для скептика (которого, возможно, учили иначе).

Подобный скептицизм неопровержим, но и не убедителен одновременно. Что-то вроде философского застенка. Или бесконечная философская плоскость, на которой все выглядит убедительно лишь для тех, кто ничего не знает о глубине. Крипке также описывает все довольно пессимистически: «Порой, когда я размышлял над этой ситуацией, меня посещало мрачное чувство. Даже теперь, когда я пишу, я чувствую уверенность что нечто есть в моем сознании – значение, которое я применяю к знаку ‘плюс’ – что *обучает* меня тому, что я должен делать во всех будущих случаях. Я не *предсказываю*, что я буду делать, но даю себе самому указание, что я должен делать, чтобы быть уверенным в этом значении. Если бы я теперь делал предсказание о своем будущем поведении, оно должно было бы иметь независимое содержание только потому, что оно уже имеет смысл в терминах указаний: которые я давал себе относительно того, уверен я в своих намерениях или нет. Но когда я концентрируюсь на том, что имеет место в моем сознании сейчас, какие указания я могу там обнаружить? Как я могу сказать, что буду действовать в будущем на основе этих указаний? В моем сознании нет бесконечных случаев употребления ‘стола’, чтобы в будущем проконсультироваться относительно их употребления. Сказать, что в моем сознании есть общее правило, которое говорит мне, как складывать в будущем, значит просто отбросить проблему назад к другим правилам, которые могут быть тоже даны лишь в терминах бесконечного числа употреблений. Что же может быть в моем сознании, что я использую, когда буду действовать в будущем? Кажется, идея значения в целом просто повисает в воздухе» [4, с. 161].

Крипке возражает против апелляции к простоте. Выбор более простого решения, возможно, поможет нам в конкретной практической ситуации, но ничего не скажет о том, почему эти решения (гипотезы) столь различны. Проще говоря, мы выбираем одну из гипотез не потому, что она более истинна, но лишь потому, что она более удобна. Именно это удобство мы и склонны путать с истинностью.

Философы стремятся отречься от релятивизма либо по техническим соображениям, либо потому, что он противоречит нашей интуиции. Ведь *доказать* его неистинность мы не в состоянии. Примеры ситуаций, в которых мы, как нам кажется, друг друга понимаем, лишь оттеняют истину релятивизма. Потому что, во-первых, это всегда весьма простые коммуникативные ситуации (как переговоры строителей у Витгенштейна, кстати, чем не библейский сюжет); во-вторых, даже эти ситуации просты лишь в первом приближении. Точное выполнение какого-либо требования еще не означает *понимания* в широком смысле, это – лишь первый круг понимания.

Как это не прискорбно для логики и наших ожиданий, мы, в каком-то смысле, действительно разговариваем на разных языках. Незачем бороться с очевидным, лучше принять это как данность и постараться исследовать сложившееся положение вещей. А оно таково, что мы можем рассматривать в качестве фактов два обстоятельства.

*Во-первых*, носители какого-либо языка в процессе общения говорят на этом (одном) языке, используют общую систему значений и таким образом понимают друг друга. Такой результат оправдывает и объясняет само существование языка. Без подобного лингвистического реализма никакое продолжение разговора о языке не имеет смысла.

Логики и аналитики (Рассел, Крипке, Витгенштейн, Остин), безусловно, хотели бы остаться при этом факте, что позволило бы создавать идеальные логические модели естественного языка. Если бы мы могли использовать слова «Аристотель» и «Стагирит» или «Цицерон» и «Туллий», или «Вальтер Скотт» и «Автор 'Узверли'» в качестве полновесных синонимов или так же, как мы используем в математике знаки «1», «+» и т.п., значение которых не меняется в различных вычислениях. Но мы не можем этого сделать, потому что, *во-вторых*, каждый носитель языка имеет собственную систему значений (коннотаций), в каких-то аспектах отличающуюся от общеупотребительной, поэтому, в определенном смысле, мы говорим на разных языках и редко понимаем друг друга по сути. Часто мы схватываем лишь общую форму выражения или мысли говорящего и если для каких-то целей этого достаточно, то считается, что мы «понимаем» говорящего. Но это весьма условное понимание, тем более, что и оно часто бывает неадекватным. Жалобы на непонимание слишком типичны для человеческого сообщества. Но это было бы еще терпимо, тем более, что такое непонимание определенным образом обеспечивает нашу автономию и самоидентичность, позволяет иметь собственный взгляд на вещи, свой внутренний мир, в конце концов.

Истинным кошмаром для логиков является то обстоятельство, что и в одном рассуждении мы часто не сохраняем значение какого-либо слова неизменным. Наши значения не высечены на камне, скорее, они представляют собой желе, некую вязкую массу, вяло перетекающую от одного слова к другому, достаточно аморфную, чтобы принять любую форму. Одно и то же слово, например, «любовь» в разных предложениях (контекстах) наполняется разным содержанием, что уж говорить о синонимах. Я не знаю также, как я буду употреблять это слово в будущем. Меняются контексты, меняются правила употребления слов. Но беда в том, что я и ранее не имел инструкции по употреблению слова «любовь».

Суть парадокса в том и состоит, что мы не знаем, что позволяет нам «знать» значение того или иного слова. Но это не значит, что мы тем самым перестали *использовать* слова, это значит лишь, что у нас нет логических (достоверных) оснований для именно такого их использования. Не потому ли Витгенштейн считал способ употребления слов – их значением. Видеть и знать то, как мы употребляем слова – это все, или почти все, что нам дано. Проблема Юма.

Частое повторение чего-либо является аргументом или, во всяком случае, воспринимается как аргумент. По существу, определяя значение, мы все стоим перед дилеммой *ментализм-бихевиоризм* (с вариациями, конечно). Именно так проблема представлена у Крипке. Интуитивно понятно, что наши ментальные акты как-то присутствуют при образовании или хотя бы функционировании значений. Или слово «интуитивно» означает здесь лишь наше желание удерживать под контролем весь процесс, все процедуры означивания?

Крипке указывает, что, в отличие от Куайна, Витгенштейн все же имел сомнения относительно определения значения как способа употребления. Настойчивое и неоднозначное рассмотрение им различных ментальных состояний показывает, что ментализм вовсе не был так чужд Витгенштейну, как это может показаться. «Главная проблема *не* в том, «каким образом мы можем показать, что индивидуальный язык – или некоторая другая специальная форма языка – *невозможен*»; скорее, она в том, «каким образом мы можем показать, что *какой-то язык* (публичный, индивидуальный или тот-которым-обладаете-вы) вообще *возможен*». Дело не в том, что вызвать ощущение «боли» легко, и Витгенштейн должен изобрести затруднение. Напротив, главная проблема Витгенштейна, как представляется, в том, что он показал: *всякий язык, всякое образование понятия невозможны и действительно непостижимы*» [3, с. 94–96].

И далее: «...следуя § 243, «индивидуальный язык» обычно определяется как язык, который любому другому человеку понять логически невозможно. Аргумент индивидуального языка принимается для того, чтобы опровергнуть его возможность в этом смысле. Эта концепция не содержит ошибки, но, как мне кажется, здесь несколько неверно расставлены акценты. На самом деле отрицается то, что можно назвать такой «индивидуальной моделью» следования правилу, которая заключается в том, что понятие личного следования данному правилу должно анализироваться лишь с точки зрения фактов относительно следующего правила, и только его, без ссылки на его членство в сообществе... Невозможность индивидуального языка в определенном только что смысле действительно следует из некорректности индивидуальной модели для языка и правил, поскольку следование правилу в «индивидуальном языке» могло быть проанализировано только посредством индивидуальной модели, но некорректность индивидуальной модели более фундаментальна, поскольку она применяется ко всем правилам. Я считаю, что в этом суть § 202» [3, с. 159–160].

Речь должна идти не о том, возможен такой язык или нет, а о том, что он *уже существует*, что индивидуальный язык – это наш особый способ использования естественного языка и этот способ существовал всегда. Чем сложнее, тоньше, нюансированнее мои мысли и переживания, тем вероятнее, что я обладаю такой системой обозначения и выражения, которая будет непонятна окружающим. Попросту говоря, чем приватнее я сам, тем приватнее мой язык, даже если по видимости это будет некий общепотребительный, естественный язык. Разве нельзя представить себе ситуацию, когда я слышу русскую речь, зна-

комые слова на русском языке, правильно построенные предложения, но ничего не понимаю (наподобие «бесцветные зеленые идеи яростно спят»). Почему бы мне не считать это осмысленной речью на русском языке? В конце концов, все ли носители русского языка понимают «Ласточку» Мандельштама (ее вообще кто-нибудь *понимает?*). Разве существование поэзии, особенно в некоторых ее проявлениях, не доказывает возможность существования приватного языка?

Следует понимать, что меня беспокоит не чье-то буквальное говорение на собственном языке. Хотя и здесь можно было бы пофантазировать и представить некоего «последнего из могикиан», человека, являющегося единственным носителем какого-то естественного языка. Конечно, критерии определения значений слов и предложений он усвоил в своей прежней социальной жизни, но без постоянных контактов со своими соплеменниками он будет вынужден так или иначе «сочинять» свой язык заново, особенно если ему придется обучать своему языку других людей. Только он один отвечает за соблюдение стандартов, критериев истинности высказываний, правильный синтаксис и пр. Какое правило для построения предложений он введет, такое и будет «правильным». Является ли его язык в данной ситуации индивидуальным языком? Можно ли пользоваться языком индивидуально? Формально, да. Но и помимо этих фантазий можно рассмотреть некую более распространенную и естественную ситуацию – непонимание индивидуальных коннотаций различными носителями одного и того же естественного языка. Именно эта ситуация представляет действительную теоретическую трудность.

Чтобы разрешить скептический парадокс, Витгенштейн осуществляет референцию к публичным рамкам (конвенции и языковые игры). Но эти рамки не существуют вне языкового сообщества, поэтому индивидуальный язык невозможен. Но он в каком-то важном отношении все-таки существует, ведь я всегда описываю *свои* душевные состояния (при условии, что мы признаем за мной право иметь их). Говорю ли я «мне больно» или «я вижу зеленое», не говоря уже о более сложных фактах душевной жизни (описание сновидений, любовный дискурс, понимание художественных произведений), лишь я один действительно *знаю* о чем идет речь. Но это, конечно, не делает мои высказывания и особую, присущую только мне, систему значений / смыслов, индивидуальным языком. Это было бы продолжением скептической робинзонады на новом уровне (на уровне значения).

Возможно, в действительности все не является таким удручающим, как можно было бы себе представить. Не принимать же в качестве научного аргумента библейскую точку зрения. *Наш язык просто фиксирует единственность, приватность нашей субъективности и уникальность наших ментальных состояний* и что же плохого в том, что он делает это все лучше и лучше. Но ведь он же позволяет нам также и заглянуть на «чужую» территорию, в известном смысле посмотреть на мир глазами другого, как это происходит, например, в поэзии.

Речь другого человека не столько скрывает его ментальность от меня, сколько предъявляет ее мне, показывает и раскрывает. Индиви-



Філософія і політологія в контексті сучасної культури Філософія  
дуалізація мови іншого є деяке свідчення, відкриття о нем  
і повинно сприйматися швидше як благо, ніж як проблема.

### Библиографические ссылки

1. **Бейкер Г. П.** Скептицизм, правила и язык / Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева / Г. П. Бейкер, П. М. С. Хакер. – М. : Канон+, Реабилитация, 2008. – 240 с.
2. **Грязнов А. Ф.** Как возможна правилообразующая деятельность? / А. Ф. Грязнов // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. – М. : ИФРАН, 1996. – С. 25–37.
3. **Крипке С. А.** Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / С. А. Крипке. – М. : Канон+, 2010. – 256 с.
4. **Крипке С. А.** Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / С. А. Крипке / Пер. с англ. В. Руднева // Логос. – 1999 (11). – № 1. – М. : Дом интеллектуальной книги. – С. 151–185.
5. **Ладов В. А.** Проблема следования правилу: Поиски прямого решения / В. А. Ладов // Философия науки. – 2006. – № 4 (31). – С. 135–152.
6. **Ладов В. А.** Понятие 'rule – following' в теории значения Л. Витгенштейна / В. А. Ладов. – Режим доступа : <http://huminf.tsu.ru/science/publications/ladov/23.htm>.
7. **Лебедев М. В.** Проблема следования правилу в философии математики Витгенштейна / М. В. Лебедев // Стили и методы математического мышления. – СПб., 1999.
8. Пятикнижие и Гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино». Комментарии Й. Герца. – М; Иерусалим : Мосты культуры; Гешарим, 2004. – 1457 с.
9. **Сокулер З. А.** Проблема «следования правилу» в философии Людвиг Витгенштейна и ее значение для современной философии математики / З. А. Сокулер // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. – М. : ИФРАН, 1996. – С. 37–54.
10. **Эко У.** Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб. : ALEXANDRIA, 2007. – 423 с.
11. **Wittgenstein L.** Philosophische Grammatik. Herausgegeben von R. Rhees / L. Wittgenstein / Werkausgabe in 8 Bänden. Bd.4. / L. Wittgenstein. – Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1984.
12. **Wittgenstein L.** Philosophical Grammar. Part 1–2 / L. Wittgenstein. – Berkeley & Los Angeles, University of California Press, 1971. – 495 p.
13. **Wittgenstein L.** Philosophische Untersuchungen: In 8 Bänden / L. Wittgenstein. – Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1984. – Bd.1. S. 225–580.

*Надійшла до редакції 21.02.2012*

УДК 165.745

**Ю. В. Писная**

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара*